СЛОВО – ЮБИЛЯРУ!

интервью с А. И. Демченко
В. Р. Ганеева

– Уважаемые друзья и коллеги, сегодня мы, я надеюсь, плодотворно и обстоятельно побеседуем с замечательным человеком, большим учёным Александром Ивановичем Демченко, который является доктором искусствоведения, заслуженным деятелем искусств России, профессором Саратовской консерватории и Саратовского университета, а также Тамбовского музыкально-педагогического института, действительным членом Российской и Европейской академий естествознания и Академии общественных и фундаментальных наук имени Ломоносова. Регалии нашего собеседника можно перечислять бесконечно, потому на этом я остановлюсь. И первый вопрос касается поистине неисчислимого количества научных публикаций, которые Вам удалось сделать, а их более 1700, и что ещё важнее – свыше 300 всякого рода книжных изданий. Скажите, пожалуйста, есть ли возможность при таком графике работы оглянуться назад и подвести какие-то итоги в связи с Вашим 80-летием.

– Хочу надеяться, что если мы с Вами и будем подводить итоги, то это всё-таки будут итоги предварительные. Потому что нахожусь в движении и надеюсь сделать ещё немало, если Господь Бог отведёт для этого нужное число лет, а ещё лучше – десятилетий.

Сам же я стремлюсь к тому, чтобы поддержать свою физическую форму, чтобы жизнь продолжалась, дабы удалось сделать то самое главное, к чему шёл практически все предшествующие десятилетия. Дело в том, что только относительно недавно получил возможность заниматься этим без каких-либо помех и могу писать, писать и писать, осмысливая гигантский набор всякого рода артефактов, находящихся в моём распоряжении.

Если бы наша встреча состоялась в моей квартире, Вы, наверное, были бы удивлены огромными залежами тех бумажных накоплений, которые предстоит переработать в следующие капитальнейшие книги. Поэтому для себя даже решил так: перешагну это 80-летие и начну отбрасывать всё, что отнимает время, в том числе уже не буду давать подобных интервью, не буду поощрять коллег на публикации о своей деятельности – их и так очень много, более 250.

– Каковы же планы на ближайшее время?

– Прежде всего беречь самое драгоценное из того, чем мы располагаем – время. Этот расходный материал получил со времён Бальзака обозначение «шагреневая кожа». Та самая шагреневая, которая неумолимо сжимается и тает вплоть до нуля. Об этом поневоле задумываешься, когда оказываешься в определённой возрастной категории и когда есть то, что ещё необходимо сделать в этой жизни.

Я могу понять людей, которые ушли на заслуженный отдых и с великим удовольствием сибаритствуют. Могу даже понять некоторых, очень редких творцов искусства, которые смогли вырваться из оков

служения творчеству. В их числе был Россини, который тридцати семи лет, написав последнюю знаменитую оперу «Вильгельм Телль», поставил «крест» на творчестве, уехал в Париж, где превратил свою жизнь и жизнь своих друзей в сплошное пиршество. И он мог себе это позволить, поскольку оказался к этому времени весьма состоятельным человеком, получая солидные гонорары за постановки своих очень востребованных тогда оперных шедевров.

Но это редчайший случай, потому что Гёте уверял: жизнь творца искусства заканчивается тогда, когда прекращается его творчество. Это он установил, проанализировав происходящее с выдающимися представителями художественного мира. Когда они творчески исчерпывали себя, они уходили из жизни и физически. Классический пример – наш Пушкин.

К слову, я написал книгу, которой очень доволен – «Два солнца мировой литературы. Гёте и Пушкин». Так вот, когда я описываю в ней печальную финишную полосу Александра Сергеевич, приходится констатировать, что в те же 37 лет, что и у только что упомянутого Россини, он почувствовал, что творчески исчерпался. Жить уже не хотелось, искал смерти, и в результате – та самая дуэль, на которую он шёл с открытым «забралом», желая покончить счёты с жизнью. И это в таком возрасте! Но им было сделано уже столько, что он просто не видел для себя перспектив.

Всё это говорю к тому, что и сам сейчас выхожу на финишную прямую, цель которой – создать огромный фолиант в 12 томах, где хочу обозреть всю историю мировой художественной культуры. Только примерно полгода назад рассчитался со всеми предварительными и предваряющими моментами. Да, это были книги и статьи, по-своему необходимые для упомянутого фолианта, но, разумеется, только частично. Допустим, если моя книга о Бетховене около 250 страниц, то я знаю, что во «Вселенную слова, цвета, звука» (таково название моего будущего итогового труда) войдёт из неё от силы страниц 50.

Но что делать! Есть определённые долги перед самим собой, перед собственной душой. К примеру, обязательно должен написать по крайней мере ещё три большие монографии о композиторах, то будут Чайковский, Стравинский и Шостакович. По каждому из них накоплены огромные материалы и будет обидно, если бы всё это бесследно уйдёт в небытие. И это при том, что прекрасно сознаю: из них во «Вселенную…» войдёт процентов двадцать, не более того, поскольку в моём итоговом труде всё должно быть предельно компактно и концентрированно, ведь в нём должно найти отражение очень многое из того драгоценного, что создано во всех художествах и во всех частях земного шара.

Вот почему мне приходится говорить о той самой шагреневой коже и вот почему на нынешнем витке своей жизни твёрдо решил для себя целиком сконцентрироваться только на том, что считаю сейчас своей не главной даже, а единственной целью.

На этот счёт припоминаю очень и очень обычную ситуацию: уходит в так называемый лучший мир человек, который что-то собирал, изучал, осмысливал, формулировал и предполагал изложить в письменных трудах. После его кончины в лучшем случае находятся те, кто хотел бы хотя бы самое основное довести до завершения. Они начинают разбираться в архивах ушедшего, пытаются систематизировать записи, наброски и отбирать то, что поддаётся доработке и может быть опубликовано.

Но понятно, что это будет уже не совсем то, что предполагалось самим автором. А многое просто складывается в некий архив в надежде, что может быть кто-то другой продолжит подобную работу. Это в лучшем случае, а чаще – всё незавершённое по прошествии определённого времени просто-напросто уходит в макулатуру.

Единственное известное мне исключение и безусловный пример для подражания – композитор, крупнейший симфонист XX века Николай Яковлевич Мясковский. Когда он скончался и его коллеги пришли, чтобы просмотреть оставшиеся после него анналы и навести в них порядок, оказалось, что всё в абсолютном порядке, на всём в его бумагах поставлена точка. Это удивительный, редкий случай, о таком можно только мечтать.

Говорю об этом не случайно – в моём жилище Вы могли бы увидеть настоящие горы бумажных накоплений – на полках, в столах, шкафах и даже завалами на шкафах. Это, полагаю, не тысячи даже, а миллионы всякого рода больших и малых досье по историческим эпохам, художественным школам, тем или иным артефактам и, конечно же, всевозможная творческая персоналия – накопления, сделанные за многие десятилетия собирания материалов, их обработки и осмысления. И хорошо сознаю: если не удастся всё это привести к тому знаменателю, о котором мечтаю, воплотить в реальные книги, то, вероятнее всего, оно канет в Лету безвозвратно.

Разумеется, будет очень жаль, потому что за всем этим стоят немалые усилия, нелёгкий поиск, раздумья, мысли, идеи. И, разумеется, только лично я в данном случае могу этим распорядиться так, как нужно, хотя бы многое отбрасывая и оставляя только концентрат в тех самых двенадцати томах «Вселенной слова, цвета, звука», а также в трёхтомной «Художественной энциклопедии», в которой должны найти себе место краткие описания всех основных явлений мировой литературы, изобразительного искусства, архитектуры, музыкального искусства, театра и кино. Ни того, ни другого в мире пока что никто не делал, а имеющиеся в моём распоряжении накопления позволяют осуществить подобные проекты.

– Замечательно. Когда я готовился к интервью, поймал себя на мысли, что поговорить с Вами вот так, по душам, не всегда возможно. Вы всегда устремлены вперёд. У Вас колоссальное количество и планов, и реальных дел. В своих мемуарах Вы описываете множество всякого рода зигзагов, когда отдавались и жизни как таковой, занимались журналистикой, работали и в области литературы, и в области живописи, пробовали себя в театре и кино, окончили музыкальное училище как

дирижёр-хоровик, занимались в консерватории на композиторском факультете. И Вы справедливо отмечаете, что в конечном итоге все эти зигзаги были как бы заповеданы судьбой. Через всё это нужно было пройти, ощутить материю творчества в разных видах искусства изнутри, чтобы компетентно и адекватно писать обо всём в художественном мире. Но этот художественный мир неисчислимо велик, и чтобы объять его в научном осмыслении, требуются невероятные запасы времени. Сейчас выходит много всякой литературы по так называемому управлению временем. Есть ли в этом отношении у Вас какая-то своя система? Как Вы это делаете, как Вы управляете своим временем?

– Прежде всего вынужден сказать, что у меня в этом управлении временем есть одна существенная помеха, которую приходится определить словом «отзывчивость». Если вижу, что у тех людей, с которыми имею дело, есть творческая одарённость, стараюсь её всеми силами поддержать, подтолкнуть к реализации своих способностей.

Например, в тех же шестидесяти томах альманаха по линии проводимых мною международных форумов, о которых мы с Вами неизбежно упомянем. Это моё детище, которым дорожу и горжусь, наверное, заслуженно. Окружающие, в том числе учёные самого высокого ранга, с удивлением смотрят на построенное мною «сооружение» – Международный Центр комплексных художественных исследований. И среди публикаций, которые собираю по этой линии, есть масса тех, инициатором которых был я, когда видел, что человек способен написать нечто интересное и важное.

Та же преследующая меня отзывчивость касается и множества соискателей из разных городов и даже стран. Их на нынешний день насчитываю около семидесяти – это те, кто стали кандидатами и докторами наук. Но ведь понятно, что и публикаторская деятельность, и весь многотрудный процесс работы с соискателем требуют огромного времени, которое, хочешь или не хочешь, отрываешь от собственных исследовательских трудов.

– К слову, по поводу Вашей способности увидеть в потенциальном соискателе перспективу к научной деятельности мог бы привести в пример самого себя. В своё время я не чувствовал в себе даже малейшей наклонности к научной деятельности, и с Вашей помощью и поддержкой занялся исследованиями, стал кандидатом наук, достаточно много пишу и вслед за Вами предпринимаю немалые организационные усилия в сфере науки.

– В отношении отзывчивости, о которой мы с Вами говорим, за мной водятся растраты времени ещё одного рода, на которые иду сознательно, скорее из соображений жизненного самосохранения. В меру возможного, когда нет обстоятельств, которые обязывающих что-то делать по необходимости, никогда не отказываю себе во сне.

Сон нахожу драгоценнейшей вещью хотя бы потому, что в жизни как таковой ты неизбежно озабочен, что-то планируешь, побуждаешь себя, а

порой и заставляешь. Во сне же ты себе не принадлежишь, тобой ведают какие-то иные силы, и ты – просто совершенно беззаботное существо, как ребёнок. Да, бывают хорошие сны, бывают плохие, но в такие часы ты не принадлежишь себе, ты совсем в другом мире.

Помимо этого, в случае возникшей усталости даю себе возможность и краткого дневного сна. Для меня он драгоценен и потому, что благодаря этому дневное время делится как бы на две части. После утреннего сна ты прожил определённую жизнь, а вот передохнул во сне, и как бы начинается новый день – возникает эффект удвоения реальной жизни.

И, конечно же, сон – это, безусловно, колоссальный здоровьесберегающий фактор. Существует такое присловье: сон – лекарь. Добавлю к этому ещё один момент из личного опыта. Если просыпаюсь ночью и чувствую, что не спится, сажусь за стол, и моим любимым занятием в это время является чтение художественной литературы.

У меня впереди ещё огромное число книг, которые должен прочесть для того труда, который именую «Вселенной слова, цвета, звука». И вот перед тобой очередной шедевр из прозы, поэзии или драматургии, в ночь посидишь над ним определённое время, тебя сморило, и можно вернуться в сонное состояние.

Хорошо понимаю мучения человека, которому приходится бороться с бессонницей, и очень сочувствую тем, кому уже ранним утром нужно на работу, а днём не будет возможности отдохнуть. От усталости остаётся спасаться только запоями кофе. В этом отношении я нахожусь в абсолютно счастливом состоянии, и единственное, на что мне не жаль времени – это на то, чтобы спать столько, сколько того требует организм.

– Я позволю себе процитировать Ваши мемуары, которые прочитал с большим удовольствием, в том числе и потому, что, скажем так, открыл для себя во многом другого Александра Ивановича. Но сейчас я приведу цитату, которая у меня рождает провокационный вопрос. Вы пишете, что «на рубеже XXI века после таких больших имён отечественной музыки ушедшего столетия, как Стравинский, Прокофьев, Шостакович, Свиридов, Щедрин и Шнитке, золотоносная жила отечественного искусства заметно истощилась». Так вот, при всей многомерности Ваших художественных интересов, изначально Вы прежде всего исследователь музыкального искусства, так не связано ли расширение Ваших научных горизонтов именно с тем, что, по Вашему мнению, золотоносное русло отечественного музыкального искусства заметно иссякло?

– К сожалению, это довольно печальная тема. У меня есть книга «Золотой век русской художественной культуры». Это о том времени, которое исчисляю со времён Петра I – во многом с первого русского императора началась новая история нашего искусства, преодолевшего инерцию несколько законсервированных форм и вышедшего в общечеловеческое пространство. Начался разворот России к миру и прошедшие с тех пор XVIII, XIX и XX века – три столетия золотоносных накоплений во всех сферах искусства.

То, что Россия произвела тогда на свет Божий в художественном отношении – это, конечно, категории мирового порядка, и даже нередко превышающие этот уровень. Достаточно сказать, что во второй половине XIX века, если представим себе, например, музыку, то вне всяких сомнений Пётр Чайковский – главное имя мировой музыки, а Илья Репин – самое могучее явление, если взять изобразительное искусство. И вспомним таких титанов словесности той поры, как Фёдор Достоевский и Лев Толстой.

В сопоставлении с этой трёхвековой золотой эрой цветения российской культуры, то, что сейчас приходится читать, слышать в музыке, видеть глазами в живописи, мягко говоря, не дотягивает до былых вершин. Не только у нас, но и во всём мире. Говорю об этом с великим сожалением, и дай бы Бог, чтобы в последующем стать свидетелем нового взлёта художественной культуры.

Сразу же поделюсь: у меня именно на материале искусства разработана теория эпох в их движении от Древнего мира к нашим дням. Опираясь на неё, уже два десятилетия назад прогнозировал, что примерно с 2020-х годов начнётся угасание той эпохи, которая существовала с начала XX века (обозначаю её словом «Модерн»). Она ещё живёт и сейчас, но в её лоне уже рождаются контуры иной эпохи. Так всегда происходит в зоне стыка уходящего и восходящего времён.

Эту следующую эпоху я называю условно «Информ», потому что для всех нас совершенно очевидно: ныне всё более господствующими становятся разного рода информационные, компьютерные, кластерные, мультимедийные технологии. И характерно, что в политической сфере примерно с конца 2019 года заговорили о том, что с прежним порядком вещей покончено, его сдают в архив, открываются горизонты многополярного мира и прочее.

Говорю это к тому, что в соответствии с моими печальными пророчествами, эта следующая эпоха – Информ – будет для земного мира последней. И примерно в середине XXII столетия произойдёт последняя грандиозная катастрофа, которая просто снесёт человеческую цивилизацию, потому что для этого уже сейчас выработаны все необходимые ресурсы уничтожения.

Конечно, можно быть уверенным в том, что какие-то флюиды земной цивилизации сохранятся, удалившись в космическое пространство, где, возможно, произойдёт заселение открытых для существования человека других планет, пусть очень далёких. Кстати, у меня есть целая книга, которая называется «Космогония авангарда», где я прослеживаю на материале разных видов искусства, как уже всё более явственно просматриваются горизонты выхода за пределы земного пространства. Этому, к примеру, целиком посвящена Вторая симфония Шнитке и его знаменитая композиция под названием «Поток», созданная на гигантском синтезаторе.

В любом случае, представляется, что человечество постепенно вступает в прощальную временну́ю зону. Потому мне кажется, что поначалу

подсознательно, а затем уже и достаточно осмысленно, в голову пришла идея подвести предварительные итоги земной цивилизации в её художественном измерении.

– Говоря об этих глобальных прогнозах, попробуем вернуться к Вашей собственной судьбе и к музыке, с которой Вы начинали и которой до сих пор отдаёте массу времени в своих исследованиях. Тем не менее, когда-то Вам стало тесно в её пределах и Вы устремились к тому, чтобы объять необъятное. Ещё раз процитирую Ваши мемуары, чтобы уразуметь Ваш поворот в данном направлении. В определённый момент Вас посетило, как Вы сами пишите, следующее: «В своих размышлениях о музыке я всё чаще обращался к так называемому контексту. То есть, вводил всякого рода параллели и аналогии из других видов искусств рассматриваемого периода. И вдруг однажды голову озарила ослепительная мысль: для чего нужно это вокруг и около, когда можно полноправно заниматься этим всем вместе взятым. Не какой-то контекст в виде периферии, а комплексное изучение художественного материала, его осмысливание как целого». В этом, собственно говоря, и заключается Ваша научная школа, насколько я могу понять. И этим же обусловлена организация того самого Международного Центра комплексных художественных исследований, о котором Вы упомянули в начале. В справке о нём я прочитал, что этот Центр объединяет усилия почти 600 учёных из разных городов России и 24 зарубежных стран. Мне интересно, как это всё работает?

– Если можно, несколько предваряющих соображений. То, чем уже более чем 30 лет занимаюсь, пришло в голову, когда работал над докторской диссертацией. Она был посвящена музыке начала XX века, но получила подзаголовок «К проблеме создания художественной картины мира». То есть ставилась задача выяснить, что стоит за изучаемой музыкой: человек, жизнь, сама эта интереснейшая эпоха как таковая. И те самые контексты из разных видов искусств приводились для того, чтобы утверждать: музыка своим языком рассказывает о явлениях жизни не случайно, а потому что в это же время в литературе, изобразительном искусстве и в любом другом виде художественного творчества шли аналогичные процессы, но у каждой сферы искусства своими средствами, в своём материале.

Позже я символически обозначил это вербальной конструкцией «Вселенная слова, цвета, звука». Её 12 томов (от Древнего мира до Постмодерна) – проект, над осуществлением которого сейчас работаю. «Вселенная…» подразумевает огромный мир художественного творчества всех стран и народов всех времён, а остальные составляющие этого названия призваны обозначить многомерность художественного мира: «слово» – мифология, устное народное творчество и всевозможные формы письменной литературы; «цвет» – то, на чём базируются не только живопись и графика, но, так или иначе, и скульптура, и архитектура; «звук» – это не только музыка, но и произносимое слово. А что касается театра и кино, то они, естественно, вбирают в себя и слово, и цвет, и звук.

Каждый вид искусства оперирует своим материалом, но любая эпоха – это прежде всего люди. Они очень разные по индивидуальности, однако по магистралям своей внутренней сути, по своей соотнесённости со временем они едины. И то, что касается всех видов художественного творчества, то они передают представление о своей эпохе в разном материале, в разных красках, в разных ракурсах, но говорят примерно об одном и том же. Так вот, задача состоит в том, чтобы это многоцветие не по кусочкам разбирать, а собирать в целостную картину.

У нас в искусствоведении есть великолепные, что называется, узкие специалисты. Один занимается только живописью, причём не живописью в целом, а, допустим, только современниками Рембрандта, так называемыми малыми голландцами и даже просто только одним из них. Или, скажем, одна из моих коллег по музыковедению всю жизнь исследует жанр пасторали – по этой теме у неё была кандидатская, затем докторская, и эту работу она продолжает до сих пор. Разумеется, это замечательно, это очень полезная и нужная деятельность, это фундамент науки.

Но, думаю, в наши времена тотальной глобализации пришло время исследований и на путях охвата всего и вся. Этому принципиально новому научному направлению, которое разрабатываю вот уже более трёх десятилетий, я дал название «Всеобщее искусствознание». Подразумевается изучение всего свода искусств в их полнометражном комплексе, то есть кластерный подход. Причём сведение всего и вся отнюдь не в механическом собрании, а под углом построения художественной картины мира, то есть осмысления того, каким в призме искусства предстаёт мир и человек на разных этапах эволюции.

Именно эта цель поставлена и во главу угла организованного мной в 2009 году Международного Центра комплексных художественных исследований, в рамках которого участие принимают филологи и литературоведы, искусствоведы, занимающиеся архитектурой и изобразительным искусством, музыковеды, фольклористы, театроведы и киноведы, а также культурологи, историки, философы, богословы и так далее. Уже сложилось целое сообщество учёных, которые, каждый по-своему, развивают то самое всеобщее искусствознание, о котором мы говорим. И это результирует в проведении Международных форумов (их прошло уже десять), по материалам которых издано более 50 томов альманаха «Диалог искусств и арт-парадигм».

– *Теперь лично о Вас, Александр Демченко. Вы чрезвычайно плодовитый учёный, имеющий просто фантастическое количество научных публикаций (свыше 1700 и более 300 книг), колоссальное количество заслуг, наград, званий, собственную научную школу. В общем, могу с полным основанием утверждать, что Вы – успешный человек.*

– Хотел бы согласиться с Вами: действительно, считаю себя совершенно счастливым человеком. Во-первых, вышел на ту заветную мечту, о которой мы с Вами говорили и к которой пробивался сквозь жизненные зигзаги очень долгое время. Кроме того, мне очень отрадно то,

что обозначил бы тремя словами: локус, глобус, а между ними – посередине – Россия.

Я не уроженец Саратова, живу здесь с 1970 года. Но давным-давно и я, и моя жена, хотя родители её родом отсюда, но родилась она не в Саратове, считаем себя людьми нашего города и очень любим его. Мне недавно пришлось разговаривать с людьми примерно моего возраста, и мы сошлись в том, что Саратовский край, Саратовская земля – одна из самых комфортных, благодатных климатических зон в Поволжье и, может быть, в России вообще.

После защиты докторской диссертации (тогда докторов по искусствоведению было много меньше, чем сейчас) меня неоднократно приглашали в Петербург и Москву. Поначалу, не скрою, взвешивал и отказывался, а потом просто отказывался. Мне очень комфортно в нашем городе. Всё рядом, всё у тебя под рукой, ничто не мешает той жизни, которой живу.

Единственное – понятно, чтобы достичь успеха люди нередко из регионов едут либо в Москву, либо в Петербург, которые стягивают к себе лучшие творческие силы и где легче всего, выражаясь расхожим словом, «раскрутить» себя. К примеру, моя дочь училась в Москве, затем жила здесь и преподавала в Саратовской консерватории, но в конце концов уехала в «белокаменную». Мы относимся с пониманием, поскольку, владея словом о музыке (кандидат искусствоведения, пишет докторскую диссертацию) и совмещая это с превосходным владением игрой на клавесине, она располагает в Москве неизмеримо большим числом площадок для концертирования.

К счастью, мне ничего подобного не нужно – достаточно письменного стола и книжного фонда, а Интернет есть в любой веси. В нескольких статьях обо мне обыгрывались слова «В глушь, в Саратов» – эта знаменитая фраза Грибоедова приросла к нашему городу. Конечно же, с Александром Сергеевичем мы не можем согласиться хотя бы потому, что в момент появления его «Горя от ума» Саратов отнюдь не был беспросветной глушью: здесь действовали два театра и играли два симфонических оркестра. И уж если говорить о начале XX века, то его по праву именовали «культурной столицей Поволжья»: первый в стране общедоступный художественный музей, третья в России и первая в провинции консерватория, а немного погодя – первый в мире театр юного зрителя и тому подобное.

Иногда я вспоминаю неизмеримо более скромный город Калугу, где Циолковский делал своё великое дело, будучи притом ещё и слепым. А представьте себе Михаила Шолохова, его станицу на Дону, где он прожил всю жизнь и стал выдающимся писателем, лауреатом Нобелевской премии. Так что и в нашем локусе по имени Саратов можно сделать очень много. С огромным удовольствием и много писал о нём, финишем чего стала большая книга «Художественная культура Саратовского края».

Шесть лет назад меня удостоили высокой чести: «Почётный гражданин города Саратова», а в прошедшем году к этому присоединилось звание «Почётный гражданин Саратовской области». Очень горжусь этим, поскольку это высшее, чем наш регион может отметить человека. И знаю, что это и оценка того, что обозначил выше словом «глобус».

Неизмеримо бóльшая часть моих трудов связана с изучением мировой художественной культуры. Думаю, что практически все искусствоведы страны вряд ли могут сказать о себе, что их книга вышла в нашем центральном издательстве «Наука». В 2021 году здесь вышла моя капитальная монография «Смысловые концепты всемирного художественного наследия». Горжусь этой книгой и потому что при всём лаконизме изложения здесь удалось под одной обложкой собрать полнометражный эскиз того, что сейчас разворачиваю в 12 томах огромного фолианта «Вселенная…».

Моё большое внутреннее удовлетворение вызывает и то, что в этом издании выражена столь свойственная русскому человеку мировоззренческая всеохватность. Впервые это отметил Фёдор Достоевский, когда в юбилейной речи о Пушкине употребил выражение «всемирная отзывчивость». Позже и несколько иначе в поэме «Скифы» Александр Блок это обозначил фразой «Нам внятно всё».

Итак, локус и глобус, а внутри – наша огромнейшая и своеобразнейшая страна. Николай Бердяев очень хорошо говорил, что Россию нельзя назвать ни Востоком, ни Западом. Это огромный Востоко-Запад. То есть мы находимся в таком пространстве земного шара – Европа-Азия – что по своей изначальной миссии, как государство, империя, призваны быть вот такими: стремясь охватить и познать всё, думая обо всех и обо всём.

И то, что задумано мной, если вышние силы позволят выполнить это, означает совершить тот исследовательский прорыв, примеров которому пока что нет нигде. Это стало бы знаковым приобретением нашего города и нашей страны на зависть остальному миру.

И ещё одно, делающее меня счастливым человеком – это моя супруга Галина, которую считаю драгоценнейшим подарком судьбы. Она из той породы русских женщин, которых мы знаем по жёнам декабристов и о которых Некрасов писал: «в горящую избу, на скаку» и так далее. По исходной специальности она совершенно замечательная пианистка и великолепный педагог, а также кандидат искусствоведения, много писала по фортепианному творчеству Шумана и целого ряда других композиторов. Однако два года назад прекратила исполнительскую и педагогическую деятельность, вышла на пенсию, чтобы всеми силами помогать мне.

Взяла на себя весь быт. Но, пожалуй, ещё важнее её помощь мне в писательских трудах. Сам я кое-что по мелочам набираю за компьютером, а в остальном остаюсь пещерным человеком, то бишь предпочитаю писать ручкой за столом, перебирая массу мыслей-заготовок. И затем Галя всё это набирает. Мало того, я постоянно прошу её подобрать необходимые

информационные сведения. А ещё называю её «хозяйкой Медной горы», потому что она без конца разбирает накопленные мною гигантские залежи-завалы всевозможных досье по эпохам или просто по алфавиту и т.д.

Первый том «Вселенной…» посвящается ей. И там есть трогательная надпись, от которой у меня самого наворачиваются слёзы на глазах – ведь это истинно Божья благодать моей жизни.

– Это всегда прекрасно – крепкий тыл. И, разумеется, главная крепость – присущая Вам целеустремлённость, одержимость осуществлением поставленной перед собой уникальной цели. Мне остаётся единственное: пожелать Вам многих лет жизни и богатырского здоровья, чтобы удалось осилить, как говорил Владимир Маяковский, «планов громадьё»!

И в качестве *PS* к проведённому интервью. Живёт на Саратовской земле удивительный человек! Его широчайшие профессиональные интересы, неисчерпаемая творческая энергия, образцовое владение русским словом, необычайная острота ума и масштабность научно-исследовательской деятельности просто потрясают воображение. Нет ни одного человека в профессиональном сообществе музыкантов и искусствоведов России, кто не знал бы его имени.

Он заслужил признание коллег не только своей грандиозной писательской плодовитостью, масштабом исследуемой проблематики, но и способностью чутко угадывать талант к исследовательской работе в идущих за ним поколениях. Это позволило ему воспитать целую плеяду молодых искусствоведов современной России и создать научную школу, в том числе в рамках Международного Центра комплексных художественных исследований, выросшего в многоотраслевую структуру, объединившую усилия более пятисот учёных России и двадцати четырёх зарубежных стран.

Доктор искусствоведения, профессор Саратовской консерватории, Саратовского университета и Тамбовского музыкально-педагогического института, действительный член Российской и Европейской академий естествознания, а также Академии общественных и фундаментальных наук имени М.В.Ломоносова, почётный гражданин города Саратова и Саратовской области и многое-многое другое!!! Живёт на нашей земле такой счастливый человек и всеми силами души украшает её!

Кандидат искусствоведения Виталий Ганеев